

отечественной и всеобщей истории, философии, литературы и т. д., обладающий глубоким пониманием роли народа в жизни России, выезжает из Петербурга в Москву, но не с тем, чтобы «прозреть» и «морально обновиться», а чтобы на ряде примеров — в результате встреч и бесед с разными людьми, с помощью найденных рукописей, при посредстве обычного в политической утопической литературе XVIII века приема («сон»), разоблачить, развеять иллюзии, поддерживать которые склонны были многие из его либерально-дворянских современников. И в то же время перед нами разворачивается «энциклопедия русской жизни» XVIII века.

Композиция «Путешествия» такова, что путешественник, намеревшийся в «Выезде» и в «Софии» на наличие у него определенной системы взглядов, в последующих главах разными способами, разными средствами, но последовательно разбивает враждебные ему политические концепции с тем, чтобы показать читателю, почему «блажен живущий иногда в будущем», почему «блажен живущий в мечтании», чтобы разъяснить ему, как «бурлак» решит «доселе гадательное в истории Российской», — решит с помощью неизбежной революционной перестройки общественно-политического порядка в стране.

«Бурлак», решающий «доселе гадательное в истории Российской», — это только потенциальная революционная сила, сила стихийная, нуждающаяся в целеосознании направлении, руководстве. Таким руководителем не может быть, по мнению Радищева, Пугачев, который шел по враждебному пути построения новой монархии, не дворянской, а крестьянской монархии, которая, в конце концов, должна привести к тем же результатам, что и екатерининская, к созданию новой «знати», нового «вельможества», к угнетению народа.

Радищев полагал, что подлинным руководителем революционного народа должны быть выходцы из самого народа, такие люди, как встреченный путешественником семинарист, как г. Крестьянкин, как Ломоносов, хотя к его политической позиции Радищев относится достаточно критически.

Поэтому композиция «Путешествия» такова, что автор ставляет своего героя выехать из Петербурга с уже имеющейся определенной, четкой политической системой революционно-демократических взглядов и последовательно показывает читателям, что всякие иные точки зрения на возможность улучшения положения народа (екатерининские «просвещенно-абсолютистские», конституционные, «пугачевские» и т. п.) несостоятельны, кроме одной точки зрения, — точки зрения законности и справедливости крестьянской революции. И «Слово о Ломоно-